

aesthetic education.

Abstract. *There indicated theoretical-methodological bases of formation of post-nonclassical model of artistic and aesthetic education of the personality. Its essence, specificity and role in education and society are disclosed. Postclassical model of artistic and aesthetic education provides an understanding of the individual as a bearer of unique qualities and mechanisms of self-realization, and the aim of education is the formation and realization of its spiritual, cultural and creative needs. Postclassical model of artistic and aesthetic education is realized in the process of integration of education and artistic and aesthetic activities through the creative combination of the rational and the intuitive-imaginative knowledge, the introduction of a dialogical, personalized curriculum. It aims to bridge the technocratic and authoritarian values and specifies the basis of the formation of human freedom, the right to self-determination and creative self-realization.*

Artistic and aesthetic education forms in the person understanding, sense of beauty and harmony, the spiritual needs and interests, the emotional-aesthetic attitude to reality and art, developing creative abilities, artistic vision, imagination, fantasy, intuition. The primary function of artistic-aesthetic spheres of life of every person is the accumulation of different values and cultural products in the society.

The search of theoretical and methodological principles and approaches ensuring the development of spiritual and creative personality, her artistic and aesthetic self-actualization is the central problem of modern philosophical thought.

Post-nonclassical model of education determines the main values of creativity and freedom, dialogue, value pluralism, cooperation and tolerance.

Postclassical model of artistic and aesthetic education plays a leading role in modern society, because an important condition of socialization is the acquisition of human art and aesthetic culture, artistic creation, understanding and sense of harmony.

Post-nonclassical model of artistic and aesthetic education involves the development of strategies for the integration of art in the educational process, ways and means of laying the foundations of artistic and creative perception of the world and spiritual development of personality from birth throughout its life.

Key words: *model, art and aesthetic education, personality, culture, post-non-classical education.*

УДК 316.012**Бродецкая Ю. Ю.**

кандидат социологических наук,
докторант кафедры философии ДНУ имени Олеса Гончара
(Днепропетровск, Украина), E-mail: brodezkaja_yulij@mail.ru

АНТИНОМИИ ТОТАЛЬНОСТИ: ЗАВИСИМОСТЬ VS СВОБОДЫ

Аннотация. *Анализ статьи сосредоточен на дихотомии феноменов тотальности и целостности в их претензии на решение проблемы социального единства. В этой связи, автор фокусирует внимание на экзистенциальных аспектах тотальности, антиномиях ее развития и реализации. Последние, как показывает исследование, выступают симуляциями единения, сосредотачивая в себе реальные угрозы деформации порядка как индивидуальной, так и социальной целостности. Тотальность конструируется как следствие базового стремления к власти, обладанию, реализуя себя в аутентичных практиках политического тоталитаризма и массового потребления. В связи с этим, автор обращается к анализу одной из антиномий данного феномена зависимости, формирующейся в качестве симулякра социальных связей, как фундаментальных условий конструирования социального единства.*

В статье анализируются условия и механизмы конструирования зависимости, просматриваются основные тенденции их реализации в социальной реальности. Данное исследование является необходимым теоретическим шагом в формировании комплексной методологии анализа проблематики социальной целостности.

Ключевые слова: *тотальность, целостность, стремление к власти, свобода, зависимость.*

Постановка проблемы. *Дискурс целостности, порядка, интегрированности со-*

циального становится визитной карточкой современной социально-философской традиции. Данная проблематика, расположенная в плоскости социального измерения, детерминирована социально-экономическими и политическими наработками Модерна. Речь идет, прежде всего, об интенсивном развитии капиталистических отношений, все более расширяющих рыночные права и свободы человека, с одной стороны, и актуализирующих вес материального – с другой, наиболее «продуктивно» визуализирующих себя в практике тотальной репрезентации власти. Именно эта ситуация становится фоновой в развитии европейской социальной философии, в рамках которой вопросы о возможных основаниях социальной целостности упирались в тотальность политического аспекта общества: условиях его функционирования, механизмов, а также принципов, определяющих тоталитарную модель и сосуществование человека в ней [1].

Данная перспектива анализа требует проникновения за завесу тотального, как идеологии и реального механизма деструкции социального. Особое внимание сосредотачивается на экзистенциальных основаниях тотальности, ее антиномии принципу единения, анализирующихся в рамках, прежде всего, психоаналитического направления (Э. Эриксон, К. Хорни, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.). Исследователи обращаются к идеологии тотальности, стремительно инвестирующей в виде тоталитарных практик в социальную жизнь, и трансформирующих общество в фабрику по их производству. Приоткрывая проблематику тотальности, представители психоаналитического направления обнаруживают основания феномена, однако до конца не выявляют тех угроз, которые влечет за собой идеология тотальности. Поэтому основной **целью** данной работы является анализ характера антиномий тотальности, выявление основных противоречий и угроз, которые несет в себе исследуемый феномен, как условие развития деструктивных асоциальных ориентаций.

Исходя из этого, **проблемная ситуация** статьи заключается в необходимости разработки темы тотальности, как симулякра феномена единения, механизма социальной деформации, с целью дальнейшего формирования комплексной методологии решения проблематики социальной целостности.

Механизм конструирования стремления к власти, как основания тотальности, реализуется в процессе освоения человеком окружающего мира. В этом контексте и формируется установка личности не на познание, то есть обнаружение и реализацию смысла, сути последнего, а на обретение власти над окружающими меня объектами. Другими словами, в отличие от стремления к единению, бытию, чей потенциал открывается потребностью познавать, то есть работать над собой и окружающими человека отношениями, проявлять продуктивную активность (в терминологии Э. Фромма), *тотальность как установка на власть* базируется на эгоистическом желании *владеть - потреблять, использовать* (знания, опыт, окружающих меня людей, вещи, реальность в целом), чтобы, в конечном счете, *стать независимым, отделенным от Целого, стать над Целым*. Именно данная установка становится одной из базовых антиномий идеологии тотальности, фокусирующей себя в дилемме «зависимость – свобода».

а) зависимость vs свободы

В этимологических словарях понятия «свобода» и «независимость» имеют вполне выраженное диалектическое соотношение. Так, в Историко-этимологическом словаре под редакцией П. Черных понятие «свобода»¹ констатируется как «кон-

¹ По мнению лингвиста О.Ольшанского, существительное *свобода* по происхождению очень древнее, праславянское. Первоначальное его значение (ударение *свобода*) «совокупность своих родичей, вместе живущих». Образовано *свобода* суффиксально от древнего корня *slav*. Исторически однокоренными являются слова *слобода* (поселение), *слободка*, *слободский*.

Слово *свобода* обросло рядом значений: 1. Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений; ограничений в общественно-политической жизни и деятель-

кретно славянское образование, происшедшее от индоевропейского корня se-, sue- (seue-), s(e)uo- (тот же корень в русских словах *свой, себя, собою*). Индоевропейская основа: s(u)e-bho-, s(u)o-bho. От этой основы, кроме общеславянского *svoboda*, образовано еще старославянское *собъство* (наряду с древнерусским и старославянское *собъство* – «свойство» и «существо», «общность») – «личность», «лицо». Таким образом, с понятием о свободе с самого начала связывалась идея принадлежности к своему коллективу, к своему роду, племени, к своей народности – словом, к своим» [3, с. 148]. Такое понимание свободы, по мнению Е. Богачкова, даёт органичную соборность, общность и более жизнеспособную, глубокую основу для мировоззрения человека. «Свободный, значит освоивший окружающее пространство, вписавшийся в общество окружающих его людей. Свобода... это принадлежность к системе в качестве составляющей части, включенность в соответствующее целое. Такое понимание намного ближе к гегелевскому «осознанная необходимость», чем к распространенному на данный момент в обществе представлению... Другими словами, *свобода* (от санскрито-англо-русского *SvadhA*), положение (состояние) чего-либо (кого-либо), при котором оно (он, она) является правомерно (имманентно) включенным в качестве части в некое жизнеспособное Целое (систему, общество); состояние взаимоосвоенности в среде обитания, сфере деятельности, обществе» [4].

Сущностно понятие «свобода» абсолютно лишено какого-либо дифференцирующего момента отделенности, независимости, как это принято понимать в современной лингвистической интерпретации. Это категория событийности, характеризующая собой открытость познания, и формирующая ответственность позиции человека. Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности («Я есть»), накладывающий на него ответственность за свою жизнь: ее реализацию и перспективы. Вот почему свобода рассматривается экзистенциалистами как фундаментальная характеристика человеческого существования. Свобода, отмечает М. Босс, не есть нечто, чем люди обладают; она есть нечто, чем они могут быть. Свобода выступает одной из универсальных характеристик человеческого бытия, как способность человека овладевать условиями своего бытия¹ [5]. Обретение сути, как акт познания, само по себе есть освобождение человека от ограниченности обыденного восприятия, унифицирующих паттернов и шаблонов, открытие условия нашего освобождения – продуктивного знания себя и окружающего нас мира. Это перспектива человеческой жизни, формирующаяся в результате реализации его творческого потенциала.

В отличие от свободы, независимость есть ее иллюзия, формирующаяся в сознании тотального субъекта, ориентирующего свой потенциал на обладание окружающим миром, отделенность от единого Целого. Независимость есть антитеза чуждости какого-либо класса или общества в целом; независимость от иноземного владычества, порабощения. 2. Способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной действительности.

Свобода есть не произвол, но согласие с законами необходимости (В. Белинский. Письмо М. А. Бакунину). 3. Состояние того, кто не находится в заключении. 4. Возможность действовать в какой-либо области без ограничений, запретов (свободы слова; свобода передвижения; свобода торговли и др.). Слово свобода вошло в сочетания: демократические свободы; свобода совести и др. Существительное свобода обросло большим количеством простых и сложных родственных слов: свободный, свободно, свобододлюбец, свобододлюбивый, свободомыслий и др. [2].

¹ Экзистенциальный анализ исходит из посылки, согласно которой подлинно личностное в человеке раскрывается только тогда, когда он освобождается от причинных связей с материальным миром, социальной средой. Психические заболевания - следствие утраты непрерывности самостановления, это крайняя степень неподлинности, удаленности от свободного трансцендирования. Психически больные люди не видят вероятностного характера бытия - бытия - возможности. По мнению Бинсвангера, достоверная экзистенция субъекта определяется лишь благодаря внедрению глубин экзистенции в свое Эго, с ориентацией человека на автономный выбор жизненных проекций ил путей [6].

ческой со-бытийности. Этимологический анализ данного концепта показывает, что данное понятие происходит от глагола *зависеть* (за- + висеть) предположительно, заимствованного через украинский язык из западнославянского (частичная калька нем. *abhängen* или франц. *dépendre* (оба слова связаны с глаголом *висеть*)), то есть «*быть под чьей-то властью, господством*» [7].

Тема независимости актуализируется лишь в ситуации несвободы человека, формирования тотальной внутренней зависимости (от человеческого мнения, обстоятельств, вещей и т.д.), которая поработает личность, детерминирует стремление стать «независимыми». Другими словами, независимость есть бегство от давящей зависимости. Но чем, же тогда она отличается от свободы? Какую тотальную зависимость несет в себе независимость? Само по себе бегство, уход не снимает поработавшее человека чувство несвободы. Эта деструктивная, асоциальная стратегия является иллюзией «освобождения», поработанного сознания, реализация которой ведет к несвободе. Само стремление к независимости не предполагает освобождения, поскольку в отличие от последнего не ориентировано на познание сути давящей несвободы. Все, что может предложить человеку независимость, это сменить одну зависимость на другую. В этом отношении современное общество предлагает богатый спектр возможных вариантов, особенно иллюстративно проявляющих себя в тоталитарных практиках политической диктатуры или анонимной власти рынка «...превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат» [8].

Свобода есть движение «к»: познанию себя, открытию и реализации своего потенциала, через которое происходит мое приобщение к окружающему миру, уникальность которого предстает пред человеком лишь в процессе постижения сути последнего, осознания его ценности. Это всегда созидание, участие, деление собою, приумножение сил, связей, знаний. Но приумножение не ради накопления, а ради причастности, события, реализующегося в процессе деления своим даром с Другим. Поэтому свобода это равноценный обмен дарами, благодарение, акт растворяющий границы возможного и должного.

Независимость же есть стремление «от», актуализирующееся в желании владеть окружающей реальностью, как формой, не вникая и познавая ее суть, не открывая для себя ее ценность, а обесценивая ее, ради утверждения собственного превосходства. Это стремление использовать ситуации и отношения, насыщающие мою жизнь, бегство от себя, которое сопровождается еще большим поработанием и несвободой. Независимость есть установка на одиночество, обретение новых поработавших зависимостей, побуждающих человека добровольно отказываться от активного со-бытия.

Свобода дает ответственность жизни, предполагает обретение, раскрытие собственной уникальности, неповторимости, ценности в пространстве отношений таких же уникальных окружающих меня Других. Этот духовный феномен, раскрывает свой потенциал в стремлении любить, познавать окружающую человека реальность. Другими словами, *свобода есть стремление к познанию, единению, причастности, то есть со-бытию*. В качестве жизненного, продуктивного состояния человека, свобода всегда ориентирована на сохранение социальных связей, причастности к миру, а, следовательно, формирует в сознании индивида ценностную модель гармоничных соотношений с окружающими, осознание потребности единения в жизни человека. И это совсем не означает его несвободы. Именно в осознании значения для меня гармоничных социальных отношений, связей, я обретаю действительно свободу.

В то же время *независимость есть установка на отделение, разрыв связей, констатацию собственного превосходства*. Это внешне детерминированная вынужденность моей причастности к миру. Поэтому важно понимать, что такая деструкция социальности обусловлена формированием качественно иных связей, связей

тотальной внутриличностной зависимости от внешнего мира, мира, в котором я лишь усиливаю свою несвободу и где смыслом последней становится получение какого-либо компенсата. В качестве последнего и выступают тотальные зависимости-связи, обладание которыми создает иллюзию «свободы от». Тоталитарные объекты, власть, деньги, статусы – обладание ими становится для зависимого человека способом обретения собственной мощи - независимости. Однако данные тотальные практики лишь усугубляют довлеющее ощущение порабощенности, зависимости, одиночества, к которому так настойчиво стремиться современный человек. Его сознанию сложно осознать, что стать независимым, значит лишить себя творческой активности, а значит - умереть (символически, прежде всего).

Действительная свобода – это то, за что я могу быть ответственным и за что фактически беру ответственность на себя. И именно эта моя ответственность определяет меру моей свободы: я свободен в том, что знаю, за что отвечаю. Свобода говорит о степени моих возможностей, поэтому свободен я в том, что выбираю. Свобода – это мой выбор и моя деятельность, моя позиция, моё отношение к жизни. Независим, значит, не способен отвечать за собственные выборы, поступки, отношения. Это логика социально незрелой личности, которая как маленький ребенок, боящийся наказания за проступок, переносит свою ответственность на тотальные объекты – власть, начальство, членов своей семьи. Независимость обрекает человека на несамостоятельность, инфантилизм, конформность, трансформирующие созидательные индивидуальные силы в приспособленческую потребительскую массу, требующую над собой авторитетов.

Другими словами, стремление к независимости есть эгоистическая установка на самость, разрыв социальных связей и отношений, детерминированная тотальным стремлением к власти. Владеть, не чтобы познать суть, но чтобы эксплуатировать форму, превратить в вещь, лишить какой-либо активности, жизни, то есть обрести независимость, сделав зависимым Другого. По мнению В. Франкла, стремление к власти (то есть социальной позиции, статусу) является лишь производным от первичного, главного интереса человека - его стремления к смыслу. «То, что я называю стремлением к смыслу, можно определить как базовое стремление человека найти и осуществить смысл и цель» [9]. И далее продолжает, «поиск каждым человеком смысла является главной силой его жизни, а не «вторичной рационализацией» инстинктивных влечений. Смысл уникален и специфичен потому, что он должен быть и может быть осуществлен только самим вот этим человеком и только тогда, когда он достигает понимания того, что могло бы удовлетворить его собственную потребность в смысле» [10].

Таким образом, само по себе стремление владеть есть состояние внутренней пассивности, несвободы, реализуемое в деструкции социальности подавлением активности (независимости) Другого, обесцениванием сути, смысла, реификацией жизненной активности в вещь, предмет пользования и формированием зависимостей вместо продуктивных социальных связей. Вернее, это незнание и непонимание сути, поверхностность, трансформирующаяся в конформность моделей поведения. Обладать, чтоб констатировать собственное превосходство, закрепить жесткую структуру иерархии, удовлетворить ненасытное «хочу». Уже сама эта установка выступает гарантией формирования зависимостей и несвободы, поскольку в гонке за желаемым человек готов жертвовать собой, окружающими его отношениями, свободой, обращаясь к насилию и контролю. И все это лишь для того, чтобы получить соблазняющие его сознание атрибуты возможной «независимости» - власть, деньги, престиж, доказать собственное превосходство¹. Так реализуется тотальная

¹ Последнее является результатом отсутствия опыта продуктивных переживаний (то есть любви, единения) и продуцирования деструктивной иллюзии о собственном превосходстве. Формирование предпосылок данной ситуации происходит, как уже было отмечено, в процессе становления мотивационной структуры личности, когда благоприятность социальной среды (семьи и общественных отношений) оказывает определяющее влияние

потребительская ориентация, направленная на разрушение духовного потенциала личности, ее связей с окружающим миром. Так развивается антипод единения, продуктивных социальных связей – зависимость (служение), как асоциальная стратегия тотальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Lefort C. The Permanence of the Theologico-Political? / C. Lefort // *Democracy and political theory*, Cambridge, UK: Polity Press in association with Basil Blackwell, Oxford, UK, 1988.
2. Ольшанский О. Свобода. Зависимость [Электронный ресурс] / О. Ольшанский – Режим доступа: <http://slovo.dn.ua/svoboda-zavisimost.html>
3. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 2 т. – 3-е изд., стереотип. / П. Я. Черных – М.: Русский язык, 1999, 560 с.
4. Богачков Е. В. Этимология и корневое значение слова «Свобода» [Электронный ресурс] / Е. В. Богачков – Академия Тринитаризма – М., – № 77-6567, – 2003. – Режим доступа: www.trinitas.ru/rus/doc/0216/004a/02160001.htm (дата обращения 20.04.2015). – Название с экрана.
5. Boss M. The analysis of dreams / M. Boss – 1963
6. Бинсвангер Л. Бытие в мире / Л. Бинсвангер – М., СПб., 1999. – 300 с.
7. Виноградов В. В. История слов [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов – М.: Толк, 1994 – Режим доступа: <http://wordhist.narod.ru/zaviset.html> (дата обращения 20.04.2015). – Название с экрана.
8. Фромм Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм – М.: Издательство: Академический Проект, 2008 – Режим доступа: www.e-reading.club/chapter.php/60813/3/Fromm_-_Begstvo_ot_svobody.html (дата обращения 20.04.2015). – Название с экрана.
9. Франкл В. Самотрансценденция как феномен человека [Электронный ресурс] / В. Франкл // Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990 – Режим доступа: http://krotov.info/library/21_f/ra/nkl_12.htm (дата обращения 20.04.2015). – Название с экрана.
10. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия [Электронный ресурс] / В. Франкл – Региональный Центр «Развитие личности» – 1994, – №3 – Режим доступа: www.aquarun.ru/psih/probl/probl1.html (дата обращения 20.04.2015). – Название с экрана.
11. Бродецкая Ю. Ю. Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности: Монография / Ю. Ю. Бродецкая – Днепропетровск: из-во «Иновация», 2014. – 370 с.

REFERENCES:

1. Lefort C. The Permanence of the Theologico-Political? // *Democracy and political theory*, Cambridge, UK: Polity Press in association with Basil Blackwell, Oxford, UK, 1988.

на развитие жизненных установок и ориентаций человека. Отсутствие созидательных условий развития личности (отсутствие родителей, их деспотичность, невнимание к ребенку, неспособность построить гармоничные семейные отношения и т.п.), стимулирует стремление получить необходимую любовь, искать ее. Если на протяжении какого-то времени ситуация не изменяется (то есть потребность ребенка в любви не удовлетворяется), тогда сознание подсказывает способы стать любимым, желаемым, то есть происходит формирование ориентации на поиск антипода любви – служение, что вызывает страх и желание во что бы то ни стало удовлетворить свое стремление. Ощущение, что желаемое может быть ограниченным, вызывает беспокойство и недоверие к окружающим. Желание самому стать объектом желания (подтвердить свое превосходство) становится основным стимулом жизни человека. Получить, во что бы то ни стало, вопреки всему. Паразитируя на фоне отсутствия опыта позитивных чувств, эти опасные переживания становятся мощными стимулами для поиска способов и вариантов «получения любви» любыми средствами. А поскольку выбор в интерпретации реальности сделан в пользу разума, то возможности объективного познания ситуации строго ограничены (задача разума - поверхностно оценивать ситуацию, он не способен проникнуть в ее суть и дать действительно объективное видение картины), поэтому в качестве единственного шанса преодолеть страх предлагается иллюзия. Эта искусственно сконструированная искаженная реальность рисует картинку идеального мира, ситуации, условий, где все меня ценят, восхищаются, убажуют. Здесь я - основная ценность, эпицентр жизни, поэтому все в этой иллюзии только для меня. Я лучший, избранный и это факт, не терпящий опровержения [11].

2. Ol'shanskiy O. Svoboda. Zavisimost' (Freedom. Dependence) [Electronic resource] – Access mode: <http://slovo.dn.ua/svoboda-zavisimost.html>
3. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 2 t. – 3-e izd., stereotip. [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: M 2 - 3rd ed., A stereotype] – M.: Russkii yazyk, 1999, s. 560 s.
4. Bogachkov E. V. Etimologiya i kornevoe znachenie slova «Svoboda» (Etymology and the root meaning of the word «Freedom») [Electronic resource] – Akademiya Trinitarizma – M., – № 77-6567, – 2003. – Access mode: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0216/004a/02160001.htm>
5. Boss M. The analysis of dreams, 1963
6. Binsvanger L. Bytie v mire (Being in the world) – M., SPb., 1999. - 300 s.
7. Vinogradov V. V. Istoriya slov (History of words) [Electronic resource] – M.: Tolk, 1994 – Access mode: <http://wordhist.narod.ru/zaviset.html>
8. Fromm E. Begstvo ot svobody (Escape from Freedom) [Electronic resource] – M: Izdatel'stvo: Akademicheskii Proekt, 2008 – Access mode: http://www.e-reading.club/chapter.php/60813/3/Fromm_-_Begstvo_ot_svobody.html
9. Frankl V. Samotranssendentsiya kak fenomen cheloveka (Self-transcendence as a phenomenon of human) [Electronic resource], Chelovek v poiskakh smysla. – M.: Progress, 1990. – Access mode: http://krotov.info/library/21_f/ra/nkl_12.htm
10. Frankl V. Poisk smysla zhizni i logoterapiya (Search for meaning in life and logotherapy) [Electronic resource], Regional'nyy Tsentr «Razvitie lichnosti», – Feniks, M.: – 1994, – №3, – Access mode: <http://www.aquarun.ru/psih/probl/probl1.html>
11. Brodetskaya Yu. Yu. Obschestvo chelovecheskikh otnosheniy: v poiskakh utrachennoy tselostnosti: Monografiya (Society of human relationships: in search of lost integrity: Monograph) – Dnepropetrovsk: iz-vo «Innovatsiya», 2014. – 370 s.

Бродецька Ю. Ю., кандидат соціологічних наук, докторант кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: brodezkaja_yulij@mail.ru

Антиномії тотальності: залежність vs свободи

Анотація. *Аналіз статті зосереджений на дихотомії феноменів тотальності та цілісності в їх претензії на вирішення проблеми соціальної єдності. У цьому зв'язку, автор фокусує увагу на екзистенційних аспектах тотальності, антиноміях її розвитку та реалізації. Останні, як показує дослідження, виступають симуляціями єднання, зосереджуючи в собі реальні загрози деформації порядку як індивідуальної, так і соціальної цілісності. Тотальність конструюється як реалізація базового прагнення до влади, володіння, відображаючи себе в автентичних практиках політичного тоталітаризму та масового споживання. У зв'язку з цим, автор звертається до аналізу однієї з антиномій даного феномена залежності, що формується в якості симулякра соціальних зв'язків, як фундаментальних умов конструювання соціальної єдності.*

У статті аналізуються умови і механізми конструювання залежності, проглядаються основні тенденції їх реалізації в соціальній реальності. Дане дослідження є необхідним теоретичним кроком у формуванні комплексної методології аналізу проблематики соціальної цілісності.

Ключові слова: *тотальність, цілісність, прагнення до влади, свобода, залежність.*

Brodetskaya Ju., PhD in sociology, Doctoral student of the Department of philosophy Oles Honchar's Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: brodezkaja_yulij@mail.ru

Antinomies totality: the dependence vs freedom

Abstract. *The article focuses on the dichotomy of the phenomena of totality and integrity, the claims of these phenomena to solve the problem of social unity. Discourse of social integrity, social order there is a business card of modern social and philosophical tradition. This problem was caused by social and economic and political achievements of modernity. We are talking about intensive development of capitalist relations. This leads to the fact that on the one hand, market rights and freedoms have been expanded, and on the other hand, the value of the material factor was updated. It is especially is manifested in the representation of total power. This situation becomes a background in the development of European social philosophy. Here the question of possible grounds of social integrity are in conflict with the totality of the political aspect of society:*

the conditions of its functioning and principles determining totalitarian model, and the coexistence of man in it.

This perspective requires a deep study of the total, as an ideology and a real mechanism of social degradation. Particular attention focuses on the existential basis of totality, its antinomy principle of unity. This aspect is analyzed, first of all, within the psychoanalytic direction (E. Erikson, K. Horney, M. Horkheimer, Th. Adorno, H. Marcuse, E. Fromm, etc.). Researchers turn to the ideology of totality, which is invested in the form of totalitarian practices in social life, and transform society into a factory to produce them. Representatives of psychoanalytic trends reveal the totality of the problem, identify the base of the phenomenon, but not fully disclose the risks that entail an ideology of totality.

In this connection, the author focuses on the existential aspects of totality, the antinomies of its development and implementation. The study shows that these aspects are the unity of simulations. They are the real threats to the deformation of the order of both individual and social integrity. Totality is constructed as a consequence of the basic desire for power, possession. This phenomenon is realized in authentic practice of political totalitarianism and mass consumption. In this connection, the author refers to the analysis of one of the phenomenon antinomies of addiction, emerging as a simulacrum of social relations as the fundamental conditions for the construction of social cohesion.

The article analyzes the conditions and mechanisms by dependence, examines the main trends in the implementation of social reality. This study is a necessary step in the formation of the theoretical methodology for analyzing complex perspective of social integrity.

Key words: *totality, integrity, desire for power, freedom and dependence.*